

— Это вы про четыре больших иллюстрации, прилагавшиеся к книге? У меня тоже набралось несколько полных комплектов. Если отцу по душе, я потом принесу вам один комплект на забаву, — ухмыльнулся Сунь Инцзюэ. — Се Ин такое не слишком-то рассматривает, кто его знает, что за книги он читает. Неужто отец замыслил сосватать его? Из чьей девица семьи, как хороша собой, достойна ли его?

Сунь Тай презрительно хмыкнул:

— Только и знаешь, что рассуждать, хороша собой или нет! Человек столько поручений выполнил для императора, да еще берется читать «Четверокнижие», стремится к лучшему, а ты что сделал?! Ты хоть раз выезжал за пределы столицы? Посмотри на себя, кем ты вообще станешь в будущем!

Кем он станет в будущем... Разумеется, унаследует титул и поместье Сунь Тая.

Сунь Инцзюэ про себя скривил губы, но внешне проявил крайнее послушание. Почтительно опустив голову и сложив руки, он сказал:

— Отец, не извольте беспокоиться, при удобном случае я спрошу его. А если вы присмотрели для него чью-то благородную дочь, скажите и мне заранее. Я намекну ему, пусть порадуется.

Ему и самому стало любопытно, какая книга способна увлечь Се Ина, который не проявлял ни малейшего интереса даже к «Запискам о собранных ароматах». Выбрав подходящий день, он отправился в усадьбу Се.

Но, к его удивлению, Се Ина дома не оказалось. Управляющий Се проводил его в гостиную, лично подал чай и рассказал:

— Наш цянху так увлекся книгой юного гения, что в эти дни только о ней и думает. Он отправился в училище воинского искусства, чтобы навестить наставника.

Сунь Инцзюэ изумленно вытаращил глаза:

— Неужто он и впрямь вознамерился сдавать экзамен на цзиньши? В его-то годы не лучше ли сыграть свадьбу, народить крепышей-сыновей и передать им по наследству свою военную должность! Он так рвется к успехам, что на его фоне я выгляжу никчемным! На днях мой отец, прознав, что он читает книги, чуть плетью меня не отходил! Что за юный гений такой явился, прямо сущий злой рок!

Старый управляющий тоже считал это напастью, но, вспомнив висевшую на стене величественную и благочестивую икону Гуаньинь, не дерзнул думать о нем дурно. Про себя он сотворил молитву Будде и с беспомощным вздохом произнес:

— Да разве не старший господин из семьи Цуй Цюэ, что служит в Юньнаньском приказе — тот самый, кого удостоили почетного звания праведника? Нашего цянху связывает с ним глубокая судьба, он о нем печется во всех делах, и малых, и великих.

Сунь Инцзюэ до какого-то мелкого праведника дела не было. Порывшись в памяти и ничего не вспомнив, он беспечно махнул рукой:

— Ваш Се Ин и впрямь собрался стать ученым мужем. Ладно, не надо чая, пойду и я погляжу на него.

Вскочив в седло, он направился на восток столицы в училище воинского искусства. Стражники у ворот узнали его и поспешили навстречу с вопросом:

— Наследник сегодня тоже прибыл? Неужто прознали, что господин Чжан прибыл в училище воинского искусства, и приехали послушать его наставления?

Сунь Инцзюэ со смешком ругнулся:

— Да сколько мне лет! Я ведь не командующий, с чего бы мне возвращаться слушать эти поучения? Вы не видали цяньху Се? Я приехал к нему.

Двое стражников улыбнулись:

— Отвечаем наследнику: цяньху Се прибыл еще утром и до сих пор не ушел. Наследник может пройти внутрь и разыскать его.

Сунь Инцзюэ соскочил с коня, бросил им поводья, кивнул слуге указывать дорогу, поправил одежду и широким шагом вошел в ворота училища воинского искусства. Занятия к тому времени уже окончились, и освободившиеся молодые офицеры и сыновья военачальников кучковались по двое-трое: кто беседовал, кто упражнялся в боевых искусствах. Узнававшие его подходили с приветствиями.

Он небрежно отвечал на поклоны, как вдруг заметил знакомого наставника. Подойдя к нему с приветствием, он спросил:

— Учитель, не видели ли вы сегодня Се Ина? Не знаете, куда он направился?

Наставник вежливо сложил руки в приветствии и ответил:

— Цяньху Се после собрания ушел вместе с господином Чжаном. Если наследник ищет их, ступайте в заднюю часть лекционного зала. Ныне его познания так глубоки, что он даже может вести беседу с господином Чжаном о «Четверокнижии» — поистине редкое достоинство.

От этих слов у Сунь Инцзюэ аж зубы заныли. Спешно попрощавшись с наставником, он прошел к задней части лекционного зала и у самых дверей увидел разговаривающих Се Ина и господина Чжана. Господин Чжан держал в руках тонкую книжицу, на обложке которой бросалась в глаза надпись «Четверокнижие». Ниже виднелись другие иероглифы, но их закрывал палец, так что разглядеть ничего не удавалось.

Господин Чжан мягко произнес:

— Еще когда я занимал должность левого заместителя министра, я проводил здесь наставления, так что считай, вырастил тебя на собственных глазах и знаю о твоём стремлении к знаниям. Увы, нынешние сыновья военных чинов и молодые офицеры не идут ни в какое сравнение с вашим поколением...

Се Ин с улыбкой опустил взор:

— В те годы ваш покорный слуга тоже жил бездумно. Проявлял прилежание лишь при чтении «Семи военных канонов» да «Да гао у чэнь», откуда мне было знать о благодати мудрых книг? Если бы я не увидел позже, с каким усердием учится тот юный друг, пробудивший во мне дух самоанализа, разве возгорелось бы во мне снова стремление к учению? Сегодня я принес эти книги в училище воинского искусства именно в надежде, что среди юношей пробудится жажда

к знаниям, дабы они не оставались лишь неотёсанными невеждами.

Господин Чжан одобрительно проговорил:

— Именно так и должно быть. Еще в годы Чжэнтун почивший император повелел герцогу Чэнго основать училище воинского искусства для обучения детей военных чинов, а также дозволил воспитанникам училища воинского искусства сдавать кэцзюй наравне с конфуцианскими школярами — а все для того, чтобы они учились грамоте и этикету. Пусть у этих юношей есть мелкие унаследованные должности, разве сравнятся они с будущностью чиновников, прошедших главный путь через кэцзюй? Вернувшись, я обсужу это с господином Линем, чтобы самым серьезным образом взяться за нравы училища воинского искусства. Введем строгие награды и наказания, дабы они постигали сокровенную мудрость святых, осваивали военную стратегию и совмещали в себе мудрость и доблесть.

Се Ин с согласием ответил:

— Забота господина Чжана — великая благодать для этих шэньюаней.

Господин Чжан покачал головой:

— Какая уж там благодать! Если провести действительно строгую проверку, они только возненавидят меня. Но порядок в училище воинского искусства и впрямь стал не столь строгим, как прежде. Шэньюани ленивы в учебе, дошло до того, что некоторые не в силах толком истолковать «Семь военных канонов», да и на учениях не проявляют усердия... Сегодня я устроил проверку после занятий и обнаружил более десяти старших молодых офицеров и наследников должностей, прогулявших уроки. Пора бы сурово наказать их, дабы восстановить надлежащий дух учения.

Се Ин сложил руки и со улыбкой сказал:

— В таком случае ваш покорный слуга не смеет более отвлекать господина Чжана от важных дел.

Господин Чжан слегка кивнул. Посмотрев на книгу в своей правой руке, он невольно вздохнул:

— Даже юноша из глухой провинции, еще не зачисленный в школу, усердно постигает каноны. А здесь, в училище воинского искусства, учрежденном по высочайшему повелению, где наставниками служат выдержавшие экзамен цзиньши, растят эдаких бездарей... Это поистине ужасает. Позже я велю разложить эти книги в лекционном зале, чтобы шэньюани видели их, входя и выходя, и хоть немного устыдились да возымели стремление к успехам!

Се Ин удивленно вскинул брови и с озадаченным видом проговорил:

— Этот Цуй Се вовсе не из простых селян...

Господин Чжан медленно покачал головой. Прижав кончиком пальца строчку на закладке «Составил Цуй Се из Цяньаня», он посмотрел на него:

— Разве он проживает не в уезде Цяньань? Разве он учится не у деревенского шэньюаня? Чудодейственная трава лишь тогда считается благим знамением, когда произрастает в диких горах. А коли она растет в богатом доме знати, то это всего лишь садовая орхидея да пышное дерево — экой невидаль!

Се Ин посмотрел на него с видом человека, осененного догадкой. Улыбка господина Чжана стала еще шире, и он, глядя на книгу, произнес:

— Раз он составил эту книгу в уезде, то этого уже вполне достаточно, чтобы служить примером для шэньюаней училища воинского искусства. А чьим сыном он является — какое это имеет значение?

Свернув книгу в трубочку и неторопливо постукивая ею по ладони, он удалился во внутренний покой.

Се Ин стоял за его спиной в почтительной позе, и лишь когда тот вошел внутрь, тихо перевел дух и повернулся, чтобы покинуть лекционный зал. Выйдя наружу, он увидел искавшего его Сунь Инцзюэ и приветствовал его:

— Наследник Сунь.

Сунь Инцзюэ ответил поклоном:

— Я зашел разыскать тебя и увидел, как ты беседуешь с главой военного ведомства. Не дерзнул мешать, вот и отступил подождать. Здесь не место для разговоров, пойдем найдем уголок, где можно присесть?

Се Ин согласился. Вместе они вышли из училища воинского искусства, сели на коней и направились к ближайшему ресторану. У Сунь Инцзюэ накопилась тьма вопросов, так что, едва войдя в отдельный кабинет, он велел слугам удалиться и с нетерпением спросил:

— Только что я краем уха слышал пару фраз... Се Ин, неужто ты вознамерился бросить воинское дело ради словесности и сдать экзамены на первенствующего чжуанъюаня?

Се Ин изысканно и мягко ответил:

— С чего бы? Просто, глядя на неутомимое усердие другого человека, я предостерег себя и более не смею попусту тратить время, как раньше.

Сунь Инцзюэ поразился:

— Что за юный гений такой? Ты прямо словно сглаженный стал: стоит тебе взглянуть на его книгу, как ты тут же затворяешься у себя и берешься за чтение!

Губы Се Ина слегка приоткрылись, слова «красавица Цуй» готовы были слететь с языка, но он вовремя сдержался и сдержанно ответил:

— Разве ты не помнишь? Это тот самый праведник Цуй Се, за поощрение которого хлопотали наши Цзиньивэй. Прежде я считал его лишь храбрым мужем, не сведущим в словесности, и никак не думал, что, вернувшись на родину, он посветит учебе всего несколько дней и уже сможет составить книгу из сопоставленных строк. Это меня тронуло.

Наследник Сунь так и не вспомнил, кто такой этот праведник Цуй, но всё равно пораженно воскликнул:

— Да это же вылитый Чжоу Чэнь! В юности одолел три напасти, а потом за пару десятков лет учения сдал кэцзюй, вступил на службу и стал знаменитым сановником...

Се Ин усмехнулся и с полной уверенностью произнес:

— Зачем же ждать несколько десятков лет? Он и впрямь юный гений. Полагаю, пройдет всего пара лет — и он сдаст экзамены и прибудет в столицу.

<http://bllate.org/book/18372/1761295>